

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Д. Н. ПРИХОДЬКО

В идеологическом контексте современной американской социологии анализ социальных вопросов советской системы высшего образования выступает в качестве одной из составных частей антикоммунизма. В широком смысле слова под антикоммунизмом следует понимать буржуазную идеологию в целом как теоретическое классовое самосознание. В узком смысле слова под антикоммунизмом можно понимать ту часть буржуазной идеологии, которая непосредственно ведет борьбу с идеями научного коммунизма, практикой социалистического и коммунистического строительства. В нашем анализе мы будем иметь дело преимущественно с этой частью буржуазной идеологии, т. е. с антикоммунизмом в узком смысле слова.

Необходимость идеологической борьбы в самых различных сферах духовной деятельности общества широко признана не только марксистской общественной наукой, но и многими буржуазными социологами. Р. Г. Монсен пишет по этому поводу: «В идеологической войне, которую США ведут против коммунизма на международной арене и особенно в слаборазвитых странах, вероятно, воплощается главная битва нашего времени¹⁾. Подчеркивая позицию

¹⁾ Р. Д. Монсен. Современный американский капитализм. Бостон, 1963, стр. IX (на англ. яз.).

«социального исследователя» в идеологической борьбе, американский социолог М. Канингджин утверждает, что нейтралитет — какая-то особая «деидеологизированная позиция» — не только нежелателен, но и невозможен. «Некоторые люди считают, — пишет он, что нейтралитет в этом деле желателен. Основная трудность состоит в том, что нейтралитет здесь невозможен»²). На наш взгляд открытое признание буржуазными обществоведами не только необходимости идеологической борьбы, но и невозможности избежать ее в контексте социального анализа общественных явлений свидетельствует об определенных изменениях в самой буржуазной идеологии.

Во-первых, можно утверждать, что правильный тезис о необходимости ведения идеологической борьбы о невозможности занять в этой борьбе нейтральную позицию частично принят буржуазной социологией под влиянием научной марксистской общественной науки, принят как тезис огромной убедительной силы, игнорировать которой с научной точки зрения невозможно. Вопрос сводится к следующему: или принять этот тезис, или отказаться от претензий на научность и объективность своих исследований. Конечно, речь идет лишь о своеобразном престиже претензий на научность и объективность, а не о том, что принятие этого тезиса автоматически делает буржуазную идеологию объективной и научной. Речь, так сказать, идет лишь о попытке увеличить престиж фикции на объективность и научность исследования. Буржуазная идеология как систематизированное теоретическое выражение интересов господствующего класса объективно вынуждена давать извращенное отражение действительности, превратное понимание или полное отвлечение от истории, теоретическую несостоятельность концептуальных схем и построений, ибо именно в такой идеологии, как искаженное отражение мира, и заинтересован господствующий класс капиталистического общества. Конечно, это не означает, что в буржуазной идеологии, даже в такой ее части, как антикоммунизм в узком смысле слова, полностью отсутствует познавательный интерес, полная незаинтересованность идеолога в установлении объективных истин. Выполняя социальный заказ господствующего класса, давая общую искаженную картину советской социальной действительности, буржуазный социолог не может не устанавливать и не использовать в своем анализе какие-то определенные частные объективные истины. В этой связи В. И. Ленин подчеркивал, что буржуазные социологи способны «давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований,

²) М. Канингджин. Протестантский взгляд на образование. Нью-Йорк, 1961, стр. 68 (на англ. яз.).

хотя ни одному из них «пелъзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории»³⁾). В частности, имея в виду основную цель социального заказа — исказить социальное значение советской образовательной практики, представить ее в качестве внеисторического, случайного явления, глубоко противоречащего интересам личности, американские социологи не могут не признавать огромные достижения советского образования, титаническую энергию Коммунистической партии и государства в деле развития образования. И это, конечно, объективные истины. Но признание этих истин потребовалось буржуазным социологам не для того, чтобы дать объективный анализ советской системы образования в целом, а скорее, чтобы дать искаженное представление о ней, выдавая это представление как объективный результат анализа объективных социальных явлений. Диалектика этого искажения такова: признание частных объективных истин для искажения общих выводов и обобщений.

Второе, открытое признание необходимости ведения идеологической борьбы с идеями научного коммунизма, открытое требование занять строгую партийную позицию в этой борьбе определенным образом свидетельствует о том, что часть буржуазных социологов открыто признала связь буржуазного обществоведения с политико-идеологическими интересами господствующего класса. В целом ряде случаев отброшен миф о политической независимости общественной науки, о ее «нейтральности», «независимости» по отношению к непосредственным идеолого-политическим интересам господствующего класса. Более того, в служении этим интересам социолог видит свою основную задачу, вне этих интересов он не мыслит социальную роль своих исследований и деятельности. В известном смысле можно утверждать, что антикоммунизм превратился в основную ценность буржуазной идеологии. Теоретический орган компартии Испании журнал «Нуэстрас Идеас» в одной из своих статей очень тонко и глубоко подметил именно этот момент. «На современном этапе антикоммунизм превратился в основной фактор политики, идеологии, морали и культуры империалистической буржуазии. Служить ему стало основной задачей огромного пропагандистского аппарата, контролируемого монополиями и подчиненными им государствами. Ничто не уходит из-под влияния: ни искусство, ни литература, ни наука. Антикоммунизм «уточняется», «обогащается» и всесторонне развивается как наиболее значительная ценность буржуазной культуры и идеологии. Можно смело сказать, что антикоммунизм превратился в высший принцип, в «основу основ» пресловутого «свободного мира»⁴⁾.

³⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 363.

⁴⁾ Цит. по сб. «От социализма к коммунизму». М., 1969, стр. 713.

Третье. Буржуазная социология признает необходимость идеологической борьбы, ибо видит в ней возможность пополнения идеологического арсенала идей. Объективной основой этой возможности является то, что именно в борьбе идеологий классы-антиподы оттачивают свое мировоззренческое оружие, усиливают свой идейный потенциал. К. Маркс, указывая на эту особенность идеологии, писал, что «отдельные индивиды отражают класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса...⁵⁾». Субъективной основой этой возможности является то, что буржуазная идеология, являясь искаженным представлением действительности, по мере развития научного мировоззрения, по мере подтверждения и верификации научной марксистской теории всем развитием социального движения, доказывает свою научную несостоятельность, испытывает своеобразный «голод идей». Покойный президент США Джон Кеннеди в известной работе «Стратегия мира» писал по этому поводу: «Мы, наша нация, испытываем сейчас нужду большую, чем потребность в атомной, воздушной, финансовой и даже человеческой мощи — это нужда в мощи идей»⁶⁾. Именно в идеологической борьбе буржуазная идеология и видит возможность удовлетворить «идейный голод», заполнить идейный вакуум.

Четвертое. Усиление идеологического наступления на идеи научного коммунизма и, в частности, роль американских институтов высшего образования в этом наступлении в последние годы связаны с тенденцией к постепенному изменению сил на мировой арене в пользу социалистической системы. Вследствие изменения сил на мировой арене большинство американских идеологов не считают мировую войну со странами социализма эффективным средством достижения глобальных целей. Поэтому ряд американских идеологов рассматривают идеологическую борьбу и, в частности, роль высшего образования в этой борьбе как основное средство борьбы с идеями научного коммунизма. Говоря о различиях в средствах глобальной стратегии американского империализма, брат бывшего президента США М. Эйзенхауэр подчеркивает: «Это различие состоит в том, что мы не можем больше использовать войну, чтобы добиться наших действительных целей». И хотя М. Эйзенхауэр в принципе не исключает возможность мировой войны, он утверждает, что путем войны невозможно достигнуть широких идеологических и моральных целей. В этой связи он делает совершенно определенный вывод: «Образование теперь прямо должно ввести свой

⁵⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, изд. 2, стр. 54.

⁶⁾ Д. Кеннеди. Стратегия мира. Нью-Йорк, 1960, стр. 164 (на англ. яз.).

существенный вклад в военное дело, экономику, политику и моральную силу нашего народа для того, чтобы более эффективно вести борьбу с силами коммунистического империализма»⁷⁾. Суждение, очень близкое к этому, высказывает и другой идеолог, реакционный американский философ Р. Флюслинг. «В физической сфере, — пишет он, — Советы могут силе противопоставить силу, и в результате получится общее разрушение. Соревнование будет решаться в сфере духа. В свете этих фактов мы должны исследовать, в достаточной ли степени мы приняли во внимание важность моральных и духовных идей в этой борьбе»⁸⁾.

Анализ доказывает, что концептуальные методологические схемы американских социологов, специализирующихся по вопросам советской системы высшего образования, не выходят за теоретические рамки различных течений философского позитивизма и прагматизма. Г. М. Андреева справедливо указывает на ряд основных принципов проявления позитивизма современной эмпирической социологии⁹⁾. Разумеется, в широком смысле слова основные принципы проявления философского позитивизма относятся, по существу, ко всем разделам современной буржуазной социологии — социологии образования, религии, семьи, политики и т. д. Относятся они и к американской социологии, занимающейся анализом советской системы образования. Проявление основных принципов философского позитивизма в современной буржуазной социологии суть следующего.

Первое. Формальный отказ от какой бы то ни было связи между социологией и философией. Предполагается, что свобода социологического исследования от любой концептуальной философской схемы, отказ от основных методолого-мировоззренческих принципов позволят добиться полной объективности социологического анализа, избавят этот анализ от влияния предвзятых суждений. Иными словами, речь идет о традиционной претензии позитивистской философии заменить социальное знание о явлениях общественной действительности, полученное посредством спекулятивной теории, так называемым позитивным социальным знанием, полученным эмпирическим путем. Классики научной социологии достаточно глубоко показали методологическую несостоятельность и идеологический смысл этой претензии. В этом отношении к пред-

⁷⁾ М. С. Эйзенхауэр. Образование как средство международного понимания. Перспективы и цели в высшем образовании. Вашингтон, 1960, стр. 20, 21 (на англ. яз.).

⁸⁾ «Персоналист», Зима, 1956, стр. 11—12 (на англ. яз.).

⁹⁾ Г. М. Андреева. Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965, стр. 184.

ставителям буржуазной социологии полностью относятся слова Ф. Энгельса, сказанные им в отношении ученых-естественников. Причем заметим, что мысль Ф. Энгельса в гораздо большей степени касается представителей именно общественной буржуазной науки, чем естествоиспытателей, ибо деятельность первых в несравненно большей степени опосредована господствующей идеологией и политикой, чем деятельность вторых. «Какую бы позу не принимали естествоиспытатели, — писал Ф. Энгельс, — над ними властвует философия. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями»¹⁰). Если оставить в стороне несостоятельность тезиса о независимости частного социального исследования от определенного теоретического философского массива, несостоятельность которого была блестяще вскрыта классиками научной социологии, подробно доказана многими советскими исследователями¹¹), то идеологический и политический смысл этого тезиса заключается в следующем.

Отказываясь от любой философской концепции, социолог стремится убедить окружающих в том, что его исследование носит чисто объективный, научный характер, не зависит ни от каких предвзятых суждений, основано только на эмпирических фактах, не может не быть абсолютно доказательным и убедительным, и, следовательно, его исследование следует рассматривать в качестве объективного знания о сущности данного социального явления в хронологически определенный период.

Формально заявляя о своей непричастности к спекулятивной схеме и убеждая в этом остальных, социолог получает возможность формально скрыть свои действительные мировоззренческие принципы и, по существу, сделать любые идеолого-политические выводы, формально оставаясь в рамках эмпирического исследования и формально утверждая о своем мировоззренческом нейтралитете. Подчеркивая именно этот момент в прагматической философии, В. И. Ленин писал: «Прагматизм высмеивает метафизику и материализм и идеализм, превозносит опыт и только опыт, признает единственным критерием практику..., и... преблагополучно выво-

¹⁰) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, изд. 2, стр. 525.

¹¹) См., например, Г. М. Андреева. Современная буржуазная эмпирическая социология. М., 1965; Д. Чесноков. Послесловие к сб. под редакцией А. Боскова и Г. Беккера. Современная социологическая теория; Б. А. Чалин. IV Международный социологический конгресс и некоторые вопросы современной буржуазной социологии. В сб.: «Вопросы марксистской социологии». М., 1965 и др.

дит изо всего этого бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики, без всякого выхода за пределы опыта»¹²⁾. Весьма характерна в этом отношении концепция образования Д. Дьюи. Американский реакционный социолог К. Даусон, анализируя эту концепцию, видит ее самое большое достоинство в признании ею религиозного идеала в качестве основного. Причем тонкость и глубина подхода К. Даусона как раз и состоят в том, что он рассмотрел этот идеал в образовательной концепции Д. Дьюи, несмотря на утверждение последнего о формальном атеизме и секуляризме этой концепции, несмотря на его официальный отказ от любой религиозно-идеалистической философии. К. Даусон, в частности, пишет по этому поводу: «Теперь Дьюи, несмотря на свой секуляризм, имел концепцию образования, которая была почти чисто религиозной. Образование не имеет отношения к интеллектуальным ценностям; его цель заключается не в том, чтобы передавать знания или готовить ученых в свободных науках. Оно существует просто для того, чтобы служить демократии, а демократия не есть форма правления; «она является духовной общностью, основанной на участии каждого человеческого существа в формировании духовных ценностей. Таким образом, каждый ребенок есть потенциальный член демократической церкви, а она является функцией образования для того, чтобы актуализировать ею человечество и расширить его силы». «Для меня кажется очевидным, — добавляет К. Даусон, — что здесь концепция образования является религиозной концепцией, несмотря на ее секуляризм»¹³⁾. Конечно, следует видеть, что концепцию образования Д. Дьюи можно признать религиозной не за ее формальную принадлежность (это отрицает и сам Д. Дьюи) к какой-либо ортодоксальной религиозной системе — православной, католической, евангелистской, методистской, квакерской и т. п., а за то, что в гносеологическом и методологическом отношении она, в конечном счете, связана с религиозно-идеалистической философской системой и прежде всего с системой философского прагматизма. Американская социология, занимающаяся проблемами анализа и критики советской системы образования, также отрицает свою связь с какой-либо спекулятивной философской концепцией: но тем не менее ее подход к некоторым основным проблемам советской образовательной практики, в частности, к таким, как цели образования, взаимоотношения государства и образования, личности и образования, точнее,

¹²⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 363 (примечание).

¹³⁾ К. Даусон. Кризис западного образования. Нью-Йорк, 1961, стр. 63 (на английском языке).

та позиция, с которой анализируются, интерпретируются и оцениваются эти проблемы, в принципе очень близки к концепции Д. Дьюи.

Второе. Буржуазная социология, специализирующаяся по вопросам советской системы образования, формально отвергает ценностный подход к явлениям социальной действительности. Формально отвергает ценностную ориентацию, которая бы в методологическом отношении была выражением определенных мировоззренческих принципов. Разумеется, это ни в коей мере не означает, что у буржуазных социологов в действительности отсутствует ценностная ориентация в оценках социальных явлений советской жизни. Проблема заключается в том, что установить связь ценностного подхода с какими-то определенными мировоззренческими принципами, с какой-то определенной философской концепцией довольно сложно. Тем более, что в формальном отношении буржуазные социологи предпочитают отрицать эту связь. Очевидно, правомерно будет утверждать, что ценностная ориентация буржуазной социологии исходит в своих проекциях на явления социальной жизни из всей совокупности социально-экономических и идеологических отношений и ценностей капиталистического общества, рассматриваемого в качестве естественной, непреходящей, истинной и гуманной модели общества. Глубоко прав в этом отношении профессор Д. И. Чесноков. Он пишет: «Говорят ли буржуазные социологи об отношении людей и общества тех или иных групп друг к другу, рассматривают ли они структуру общества и функции его органов, занимаются ли они вопросами социальной психологии или социологии познания, они всегда стоят на почве современного капиталистического общества не как объекта познания (здесь социологи охотно уходят в глубь веков), а как само собой разумеющейся основы, избираемой для понимания всех общественных явлений. Во всех своих аспектах буржуазная социология служит обоснованию и защите капитализма, его апологетике, защите интересов капиталистической буржуазии»¹⁴). Если говорить обще, то именно с точки зрения такой модели, с точки зрения ценностных ориентаций, построенных на основе этой модели, буржуазная социология анализирует и оценивает социальные явления советской действительности.

Третье. Обобщения, которыми оперирует современная буржуазная эмпирическая социология, в том числе и та ее часть, которая занимается проблемами советского образования, не поднимаются

¹⁴) Д. Чесноков. Исторический материализм и современная буржуазная социология. (Послесловие к кн. Г. Беккера и А. Боскова) Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961, стр. 848).

до раскрытия сущности социального явления, до раскрытия его закономерностей. В ходе такого обобщения социолог не раскрывает причинно-следственной связи одного или нескольких социальных явлений, считает совершенно ненужным вскрыть закономерность социального изменения. Социолог формально делает вид, что в своем широком обобщении он исходит только из определенной группы социальных факторов и явлений, не связывает это обобщение ни в плане методологии, ни в плане ценностного подхода, ни с какими принципами какой бы то ни было социальной теории или философии, и, таким образом, стремится создать впечатление полной объективности своих выводов и обобщений. В действительности же отказ от раскрытия причинно-следственных связей явления, отказ от анализа пространственно-временного статуса определенного социального явления, наконец, отказ в формальном плане от методологических и ценностных установок приводит, с одной стороны, к тому, что социолог оказывается не в состоянии раскрыть сущность социального явления, а, с другой, получает широкую возможность для идеолого-политической интерпретации своих обобщений. Формально, действительно, очень трудно установить связь между такого рода обобщениями буржуазных социологов и какой-то определенной философско-ценностной ориентацией. Но, пожалуй, чем труднее установить такую связь, тем больше возможностей получает буржуазный социолог в идеолого-политической интерпретации своих выводов и суждений и большую возможность для создания иллюзий объективности этих выводов. Подобный характер обобщений присущ многим буржуазным социологам, специализирующимся в области изучения советской системы образования. Немало таких обобщений в работах Н. Де Витта, Д. Каунтса, М. Шора, Д. Бурга, Д. Шимкина, С. Розена и др. Пожалуй, особенно рельефен в этом отношении Д. Бург, выступивший с рядом бесстыдно клеветнических статей о советском высшем образовании и о советской молодежи в некоторых открыто антикоммунистических и антисоветских изданиях. Делая обобщение о том, что иностранные студенты, особенно из африканских стран, быстро разочаровываются в идеях коммунизма, в социальных характеристиках Советского Союза, Д. Бург пишет: «Студенты рассматривали Советский Союз в качестве утопии, избежавшей социального и расового неравенства некоммунистического мира. Такие преувеличенные ожидания открываются в статьях и документах, написанных бывшими иностранными студентами, чей опыт в Москве разочаровал их в коммунизме»¹⁵⁾. Каким же образом автор обосновывает этот вы-

¹⁵⁾ Д. Бург. Университет дружбы народов. «Проблемы коммунизма», том X, № 6, ноябрь-декабрь, 1961, стр. 51 (на англ. яз.).

вод, открывает причинно-следственные связи между социальными явлениями, показывает их исторические и социальные особенности, т. е., иными словами, почему этот вывод может быть представлен в качестве истинного, а не ложного. Этот вопрос в данном случае социолога-антикоммуниста не волнует, и Д. Бург вместо доказательства своего тезиса дает его иллюстрацию единственным частным фактом следующего характера. «Теофилиус Оконва, нигерийский студент, который учился в Москве в течение 2-х лет и 7 месяцев, открыто признал, что приехал сюда как прокоммунист. В интервью с автором этой статьи, — продолжает Д. Бург, — он сказал: «Я понял, что не все было так, как я представлял. Русские студенты начали задавать мне вопросы, которые показали их извращенное представление о загранице и их желание узнать правду, которая была явно недоступна им»¹⁶). Вполне возможно, что этот факт был и что интервью, взятое Д. Бургом у Теофилиуса Оконва, имело место именно в такой форме. Но какое отношение к этому факту имеет вывод Д. Бурга о том, что «утопия была, таким образом (?!), рассеяна и заменена чувством горького разочарования, которое никогда бы не могло быть получено другим, кто не был в Москве, будучи или нейтрально, или недружественно настроенным в отношении коммунизма»¹⁷).

Во-первых, если допустить, что данное мнение нигерийского студента имеет значимость обобщенного социологического факта, то и в этом случае, взятое само по себе, оно является недостаточным основанием для подобного широкого идеологического вывода Д. Бурга. В самом деле, смысловая основа фразы «я понял, что не все было так, как я представлял» не является не только синонимом (как у Бурга), но и даже достаточным основанием для «чувства острого и горького разочарования».

Во-вторых, и это главное, данное мнение студента не является фактом широкой социологической важности и обобщенности. Это субъективная оценка отдельного человека, которая скорее является фактором психологического порядка.

В-третьих, для того чтобы на основе фактора психологического порядка делать вывод идеологического обобщения, необходимо по крайней мере дать социологическую модификацию этого факта, сделать ее фактом социологического порядка. (Для этого необходимо было бы выяснить социальный статус нигерийского студента, выяснить его взаимоотношения с различными формальными и неформальными организациями, степень его политической зрелости, политические симпатии, степень его интеллектуальной зрелости и

¹⁶) Там же.

¹⁷) Там же.

способность к самостоятельному мышлению, некоторые непосредственные мотивы, побудившие его высказать это соображение, и т. д. Иными словами, показать причинно-следственную связь и взаимовлияние различных переменных социального, психологического порядка, которые обусловили подобное мнение негритянского студента). У Д. Бурга эта оценка психологического плана, в контексте его работы являясь, по существу, частной иллюстрацией, приобретает в его интерпретации значение идеологического обобщения самого широкого плана. Аналогичную модель мы находим в обобщениях других социологов-антикоммунистов. В качестве одного из основных факторов для доказательства наличия противоречий между «отцами и детьми» в советском обществе и ослабления влияния революционных традиций в среде студенческой молодежи известный социолог-антикоммунист Г. Шерман ссылается на беседу с одним из ленинградских студентов (имя студента не называется). Содержание этой беседы, в передаче Г. Шермана, следующее: «Студент в Ленинграде, — пишет он, — рассказал о том, что произошло, когда их комсомольская организация в общезжитии решила устроить «добровольный сандень». Эти дни используются для того, чтобы популяризировать «двадцатые» и «тридцатые» годы, когда люди посвящали свободное время общественной работе и воскресникам. «Времена изменились, — сказал студент. — Мы предполагали провести воскресник. «Знаете ли Вы, как много явилось студентов, — спросил он риторически и засмеялся. — «Двое из трехсот человек — организатор воскресника и секретарь комсомольской организации!»¹⁸⁾. Возможно, данное событие даже в этой шермановской интерпретации имело место. Но сам по себе этот факт является не более чем частной иллюстрацией и отнюдь не является достаточным основанием для широкого социологического и идеологического обобщения. Здесь мы не будем подробно обосновывать методологическую несостоятельность шермановского обобщения: наши рассуждения по этому поводу в отношении методологической несостоятельности социологических и идеологических обобщений Д. Бурга полностью относятся и к характеру обобщений Г. Шермана. Здесь лишь можно заметить, что последний в своей статье «Советская молодежь: миф и действительность» буквально все свои идеологические и политические построения и выводы делает на основе подобных фактиков — это и беседа с мифиче-

¹⁸⁾ Д. Шерман. Советская молодежь: Миф и действительность. «Дедейлюс». Журнал американской академии искусств и наук. Зима, 1962, том 91, № 1, стр. 233 (на англ. яз.).

ским геологом-антикоммунистом «Юрой» на пляже, и рассуждения о В. И. Ленине и о партии «какого-то советского человека» в московском ресторане и т. п.

Подобный прием буржуазных социологов, прием манипуляций и игры в отдельные факты и фактики и построение на их основе широких идеологических и политических выводов, был заклеямен В. И. Лениным как научно несостоятельный, ничего общего не имеющий с действительной социологической наукой, как прием, свидетельствующий о вырождении буржуазной общественной науки. Манипулирование отдельными фактами В. И. Ленин называл «игрой в пример», игрой, которая ничего не может дать для действительного теоретического обобщения¹⁹⁾.

Очевидно, в данном случае есть смысл говорить и о таком проявлении позитивистской ориентации в современной буржуазной социологии, как чрезвычайно широко понятый принцип психологизма. Если Г. М. Андреева совершенно справедливо отмечает этот принцип в сведении буржуазными социологами социальных явлений к психологическим (эмоции, желания, настроения и т. д.)²⁰⁾, то в данном случае мы наблюдаем обратный процесс — сведение, по преимуществу, психологических явлений к социальным и построение на основе последних широких идеологических и политических выводов и обобщений. На наш взгляд, в принципе, в определенных пределах и в рамках определенной методики и процедуры, вполне допустима «психологизация» социальных явлений и «социологизация» психологических явлений. Но такое сведение отнюдь не предполагает просто «само собой разумеющейся» взаимозамены явлений одного порядка явлениями другого порядка, как это в данном случае делают Д. Бург и Г. Шерман. Если в определенных пределах и можно некоторые явления взаимно «психологизировать» и «социологизировать», то такая операция требует прежде всего глубокого и всестороннего анализа и раскрытия сущности данного социального и психологического явления. Только раскрытие сущности явления и позволит социологу ответить на вопрос, можно или нельзя «психологизировать» определенное социальное явление, если можно, то в какой степени и имеет ли смысл в контексте данного анализа вообще «психологизировать» социальное явление с целью более глубокого и более всестороннего раскрытия содержания этого явления.

¹⁹⁾ См. «Ленинский сборник», т. XXX, стр. 303.

²⁰⁾ Г. М. Андреева. Современная буржуазная эмпирическая социология. Стр. 190—195.